

6/июль-91

Обстоятельства гибели выдающихся поэтов, как и других знаменитых людей, всегда привлекали внимание их современников и потомков. Дуэли А. Пушкина и М. Лермонтова, уход из жизни В. Маяковского и М. Цветаевой описаны во множестве статей и книг. К известным фактам время от времени добавлялись новые подробности, проясняющие, а иногда — наоборот — запутывающие историю той или иной горестной утраты. Все это по-человечески понятно.

Реалии наших дней — утверждение гласности, рассекречивание ранее недоступных документов, открытие специальных хранилищ литературы — дали возможность заполнить многие «белые» пятна в истории страны, ее культуры. Стали известны существенные страницы из биографий политических деятелей, ученых, писателей, артистов, художников, композиторов. Все это обогатило науку, расширило знание далекого и близкого прошлого нашей Родины, приблизило нас к правде.

В то же время на страницах газет и журналов печатались материалы, далекие от научных целей. Некоторые статьи этой серии выходили под броскими заголовками: «Тайна смерти Ленина», «Тайна смерти Сталина», «Как погиб Маяковский», «Тайна смерти Горького»... Не все авторы таких выступлений руководствовались благими намерениями — восстановить истину. Кое у кого, судя по всему, был расчет на сенсацию.

На этом фоне в конце 1988 — начале 1989 гг. и прозвучало слово писателя В. Белова о том, что пора развешать ленту о самоубийстве Есенина и сказать правду о его насильственной смерти. Насколько мне известно, непосредственным поводом для заявления послужили фотографии мертвого Есенина: на них видны травмы лица.

У меня нет ни малейшего сомнения в том, что В. Белов хотел только одного — установления правды о смерти великого русского лирика, любимого сына России. Того же хотели и миллионы почитателей поэзии Есенина. И на страницах изданий публикации стали появляться одна за другой.

Приверженцы новой версии смерти Есенина главное внимание обращают на фотографии, милиционерский акт, составленный на месте происшествия, записи опроса четырех близких к поэту людей, акт, подписанный патологоанатомом.

Очевидно, что квалифицированное заключение по всем этим документам в состоянии дать лишь специалист. К сожалению, большинство авторов далеки от медицины и криминалистики. Не потому ли из одних и тех же материалов они делают выводы, отличающиеся один от другого существенными деталями. Возьмем те же фотографии — с них, собственно, и начал свое частное расследование Э. Хлысталов, автор самой обобщающей статьи. По его мнению, Есенин был убит «путем нанесения ему по лицу удара ладонью дымом предметом». И. Лысов пишет о «покубоном проломе треугольной формы» — «такую страшную рану можно нанести лишь тяжелым металлическим предметом». Н. Сидорина говорит о «глубочайшей ране» на лбу — след от удара или пули.

Действительно, на фотографиях и посмертной маске Есенина у правой брови заметно небольшое углубление. В акте экспертизы сказано так: «На середине лба над переносицей — вдавленная борозда, длиной 4 сантиметра и шириной 2 сантиметра... Вдавление на лбу могло произойти от давления при повешении».

В милиционерском акте отмечено: «Лицо было обращено к трубе». Считалось, что след на переносице остался от трубы. Авторами новой версии, как мы видим, это подвергается сомнению. Но вчитавшись в свидетельства людей, видевших мертвого Есенина в номере или на другой день — в гробу.

Поэт Николай Браун: «На лбу Есенина, у переносицы, были два вдавленных, выжженных следа от тонкой горячей трубы отопления, к которой он, по-видимому, прислонился, когда все было кончено» (Н. Браун, О. Сергеев Есенин. «Москва», 1974, № 10).

Критик Павел Медведев: «На лице нечеловеческая скорбь. Пронзенный вид делает его каким-то зловещим» (П. Медведев. Пути и перемены Сергея Есенина. В кн. Н. Клюев, П. Медведев. Сергей Есенин, Л., «Прибой», 1927).

Прозаик Лукинич: «Есенин повернулся лицом к трубе парового отопления. Ночью пустили пар — обожжен лоб... Обожжена переносица» (Письмо к Л. Горнунгу от 1 февраля 1926 г. Машинписец).

Об обожженном лице у Есенина вспоминает Борис Лавренко в письме С. Захарову от 7 марта 1949 г. («Урал», 1966, № 7).

Спрашивается, неужели эти люди не могли отличить «глубокий пролом треугольной формы», «глубочайшую рану» пулевого происхождения от следа, оставленного горячей трубой парового отопления?

Со дня смерти поэта прошло более шести десятилетий. Допустим, что какое-то время современники остерсегались говорить о ране на лице, т. е. о фактическом убийстве поэта. Но ведь невозможно поверить, чтобы за столько лет никто ни на чем не произнес ни слова о скрытом когда-то преступлении.

Долгие годы я имел счастливую возможность быть в добрых отношениях с сестрами поэта Екатериной Александровной и Александрой Александровной, его сыном Константином Сергеевичем, Августой Леонидовной Миклашевской, а также с поэтами Николаем Брауном, Всеволодом Родченским, пришедшими в гостиничный номер сразу же после получения известия о трагедии. Не раз возникали разговоры о последних днях Есенина, но никогда ни от кого не приходилось слышать даже отдаленного намека на несоответствие официальной версии.

Вспомним первые отклики на смерть поэта. Вот начало заметки Дмитрия Фурманова, написанной в конце декабря 1925 г.: «Сережа-то Есенин: по-ве-сил-ся».

Строка из письма от 28 декабря 1925 г. Всеволода Родченковского: «Веревка от валившегося тут же чемодана глубоко врезалась ему в горло».

Из письма матери Софии Андреевны Толстой о дне похороны: «И пошла искать Соню и встретила с ней в другой комнате (Дом печати). Она бросилась ко мне со словами: «Мамочка, простите мне... Прости ему...»

Перечитав заметки писателя русского зарубежья. При малейшем упоминании о нем бы не преминули лишний раз поговорить о злодеяниях коммунистов. Но нет, такого разговора не было. Наоборот, когда одна газета — «Рижское Слово» — в номере от 5 января 1926 года напечатала сообщение о том, что Есенина отравили большевики, «Парижский вестник» высмеял эту журналистскую «утку». «Поверить всем этим напастям сострапанным сенсациям», — писал «Парижский вестник», — может разве уж очень глухой и очень заскорузлый идют...»

Как уже говорилось, кроме фотографий, для доказательства новой версии используются милиционерский и медицинский акты, протоколы опроса близких к Есенину лиц.

Э. Хлысталов и С. Кунаев приводят «Акт о самоубийстве Есенина» полностью. Оба автора считают, что документ составлен на крайне низком профессиональном уровне: не описано место происшествия, не выяснено, откуда взята веревка, нет отметки о времени составления акта и т. д. Это видно даже неспециалисту. Но с чем мы здесь имеем дело: со злым умыслом, с преднамеренной попыткой скрыть важные детали трагедии или с самой заурядной юридической

небрежностью, а то и безграмотностью? Большие похоже на второе. С. Кунаев сомневается в неграмотности милиционера. Но на каком основании? Судя по стилю и пунктуации акта, его составитель образованностью не блистал. Чего стоит только часть фразы: «...лицо обращено к трубе и кистью правой руки захватился за трубу...» Так что вряд ли от него можно требовать знания всех юридических тонкостей. Да и обстановку на месте происшествия он не описывает. Нет, не большим профессионалом был участковый надзиратель 2-го отделения Ленинградского городского милиции Н. Горбов, если, зайдя в номер, где лежал покойник, не снял пиджаки и сел писать протокол «огрыском карандашом»... Хорошо бы, конечно, иметь обстоятельный, но всем юридическим правилам составленный акт, но что поделаешь...

Особенно много претензий у авторов публикации к акту вскрытия тела, акту, подписанному патологоанатомом А. Гиляревским. Здесь начинается область, где первое слово — за специали-

И. Французю). А в 1926 году — в составе третьего тома собрания стихотворений Есенина, вышедшего в том же издательстве тиражом 10.000 экземпляров. Зная все это, автор не стал бы находить тень на ясный день, видеть козлы против Есенина там, где их не было.

В той же статье Евгений Черновитов пытается анализировать «Песнь о великом походе». Он пишет: в поэме «с одной стороны, выступает злодей Петр, на костах людских построивший Петербург, а с другой стороны — народ со своими героями... Троцким и Зиновьевым». Но ведь очевидно, что «с одной стороны» выступает не только Петр, но и непутевый дядя, и стибший народ, а «с другой стороны» не только Троцкий и Зиновьев, но и Ворошилов, и Бугенный и — что особенно важно — комиссары, «люди в куртках кожаных». Кстати, иронические оттопы перед фамилиями Троцкого и Зиновьева явно неуместны: в то время эти люди считались героическими личностями.

Поверхностное знание жизни и творчества Есенина, его времени естественно ведет к весьма произвольному толкованию некоторых биографических фактов. «Это было жуткое время для подлинных поэтов», — уверенно говорит Хлысталов о первой половине 20-х годов. Но так ли это? Время было нелегкое для всей страны, всего народа, но поэты работали, и работали вдохновенно: Брюсов, Маяковский, Пастернак, Асеев, Валицкий, Светлов, Какин, Полетаев, Тихонов — сколько написано ими в эти годы, какими высокими чувствами они были охвачены! Но Хлысталова это не интересует. Он ведет свою линию: «Не сделав карьеры в партии, армии или ГПУ, не сумев организовать собственное прибыльное дело, много различных проходимцев и

этого он якобы скрывался в Баку и Тифлисе от работников ГПУ. Но это же легкое рассуждение! Как будто, если бы это действительно было так, милиция и ГПУ не смогли бы задержать Есенина и на новом месте.

Из публикации вырисовывается жуткая картина: за Есениным постоянно следят, специально окружают его служивыми людьми, провоцируют поэта на скандалы, забирают у участка, все время держат его на мушке. Кому это нужно, кто это организовывал?

Конечно же, «партийные аппаратчики», «официальные лица». «Скорее к нему приклеили ярылык врага Советской власти», — добавляет Хлысталов.

Возникает несколько вопросов. Кто называл Есенина врагом Советской власти? Как этот «враг» последние годы своей жизни постоянно печатался в самых видных советских журналах: «Красная новь», «Огонек», «Пролетарский». Как это «врагу Советской власти» государственное издательство предложило выпустить трехтомное собрание сочинений — роскошь, даже для самых «партийных» писателей, кроме Маяковского, невозможная? Да и оплата строк шла по самой высокой в то время ставке. Как видно, ни скандалов (они были и без провокаций), ни судебных преследований, ни посещения участков не влияли на литературный престиж Есенина, не закрывали перед ним двери журналов и издательств.

— Такое ему спускали, ахуять можно! — говорил после гибели поэта Демьян Бедный. — Меня десять раз из партии выгнали... А его — хохли! Вот, берегли... Преступник, одним словом: пропил, дьявол, такое дарование. (Д. Фурманов. Сергей Есенин).

Предположения некоторых сторонников новой версии смерти Есенина — таковы: оскорбленный стихами в «Стране негодиев», Троцкий через своего подручного сотрудника, 24-й Вломина, известного террориста, дает задание уничтожить поэта. «Кому-то», по мнению А. Мейнштейна, было поручено выехать след за Есениным в Ленинград. И. Лысов считает, что «кубический» Сергей Есенин был Яковом Вломиным со своей бандой. В эту банду, подозревается, входил и В. Эрлик, молодой ленинградский поэт, друг Есенина. «Необходимо выяснить роль В. Эрлика в этом деле», — пишет Л. Коваленко. — Того Эрлика, который цепко вклинился в поэта начиная с 1924 года, когда тот приезжал в Ленинград. Какие есть основания для подозрений? Да по сути никаких. Видите ли, в книге Эрлика «Правда о песне», где он рассказывает о встречах с поэтом, якобы «многие неясных слухов намеков». Хлысталов же вообще отрицает дружбу Есенина с Эрликом: просто молодой ленинградец «устраивал Есенина как предпринимательского человека». Непредвзвешенное изучение всех материалов, связанных с взаимоотношениями Есенина и Эрлика, приводит к другим выводам. В частности, духовно богатым и чистым человеком рисует Вольфа Эрлика его старший товарищ поэт Николай Тихонов.

Что касается Вломина, то тоже обвинения строятся на предположениях и догадках, полчас противоречащих здравому смыслу. Ну, скажем, зачем, чтобы расправиться с поэтом, надо ехать в Ленинград, когда Есенин был неадаптирован и в Москве? К чему затевать весь трагический спектакль в номере престижной гостиницы, когда он мог быть разыгран в более безопасном месте? Зачем поднимать труп Есенина к потолку номера, когда имитация повешения могла быть связана, скажем, с переключением кровати? Эти и другие вопросы остаются без ответа.

Авторы ряда публикаций для подтверждения своих выводов цитируют отрывки из стихотворений В. Кизяева и В. Зыкина, посвященных смерти Есенина. Но есть документ, который, пожалуй, вернее всех воспоминаний и чужих стихов говорит о земном бытии поэта. Это — произведение самого Есенина. «Стихи мои, спокойно расскажите про жизнь мою», — сказал он, доверяя душу своим творениям. А последнюю автобиографию он закончил словами: «Что касается остальных автобиографических сведений, они в моих стихах». Как же авторы версии об убийстве использовали эти стихи для выяснения психологического состояния Есенина в последние годы его жизни?

Да никак! Они просто не посчитали нужным обратиться к этому исключительно важному источнику биографии души поэта. Более того, Э. Хлысталов специально оговорил этот шаг. «Объясняя причину гибели поэта», — пишет он, — его недоброжелатели пошли по простому пути и стали искать объяснения его жизненной драмы в его собственных стихах. Житейская биография была вычеркнута и заменена литературной...» И это говорится о художнике, чья жизнь неотторжима от поэзии, чья душа жила в слове искренним и неподкупным, чья правдивость и честность перед самим собой не заслонялась, как отметил Владимир Ходасевич, «наносной метафорической мутью».

«Стихи Есенина», — писал хорошо знавший и высоко ценивший его критик Александр Воронский, — самые биографические. Живая человеческая личность поэта в них отражена полностью. Сверхъестественность поэта, как она проступает сквозь словесную ткань его произведений, с житейским Есениным, и образы совпадают, переживаясь одно и то же основное настроение, и становятся понятным, в чем сила его стиха».

Да, это так. Стихи Есенина — не только литературные, но и житейские человеческие документы. В таком качестве и рассматривали их все близкие к поэту люди.

«Грустно вспоминать теперь», — писал вскоре после смерти Есенина Леонид Леонов, — что все его последние стихи стояли как бы траурными шеренгами, среди которых он неуклонно подвигался к трагической развязке. Он предсказывал конец свой в каждой своей теме, кричал об этом в каждой строке: нужно было иметь уши, чтобы слышать... Мы их не имели...»

У поэта-жизнелюба Есенина много — назовем их светлыми — мотивов в стихах, но «траурные шеренги» строк, о которых писал Леонов, не заметить невозможно. И странно, что сторонники версии убийства обходят их молчаливо. Впрочем, ничего странного нет: «траурные» стихи не вписываются в схему.

Мне кажется, надо внимательно перечитать и вдуматься в свидетельства современников поэта, беседовавших с ним в последние дни перед отъездом в Ленинград.

Ноябрь 1925 года. В столовой Союза писателей на Тверском бульваре поэт Владимир Кириллов встречает Есенина. Тот «с каким-то ожесточением был стаканом водку...» На следующий день Кириллов снова увидел Есенина. Поэт был совершенно трезв, но имел мрачный и болезненный вид. Он тихим, хриплым голосом говорил о себе:

— Я устал, я очень устал, я конченный человек.

— Ты отдохни, — успокаивал Кириллов, — по-рестань пить, и все пройдет.

— Милый мой, я душой устал, понимаешь, душой... У меня в душе пусто...»

А заметки Дмитрия Фурманова, написанной, как говорится, по горячим следам: «...В Госизде встречались мы почти что каждую неделю, а то и чаще бывало: пьян был Сережа, как разное пьян. Как-то меня его сказала, что жить Сережа врачи сказали... 6 месяцев. Это было месяца три назад! Может, он потому теперь и кончил? Стоит ли же ждать?»

Поэт Василий Наседкин, муж старшей сестры Есенина Екатерины Александровны, рассказывал об одной из последних встреч с поэтом: «Вид у него был ужасный. Передел мой сидел мученик. «Сергей, так ведь недолго и до кончины». Он устал, но как о чем-то решенном, проговорил: «Да, я иду гибнуть». — Нечего помогать, так же грустно и устал добавил: «Надоело жить».

Без сердечной боли нельзя читать эти строки. И писались они с великой печалью и сожалением. Писались не как лживые свидетельства «для увековечения официальной версии о самоубийстве» (выражение И. Лысова), а как крошечные документы большой человеческой трагедии. О них можно было бы умолчать, но надо ли? Ведь речь идет об установлении истины, а в публикациях Э. Хлысталова и других последние недели жизни Есенина изображены чуть ли не в розовых красках.

Известно, что последний день Есенина описан в воспоминаниях В. Эрлика, Е. Устиновой, Д. Ушакова. Сторонники новой версии берут за исходные точки такие факты, которые «встраивают» на схему: ничто не предвещало трагедии. Обедали, пили чай, вели мирные беседы... Но ни словом не обмолвились наши авторы о таком свидетельстве Георгия Устинова: «Весь этот самый последний день Есенина был для меня мучительно тяжел. Наедине с ним было нестерпимо оставаться, но и как-то нельзя было оставить одного, чтобы не нанести обиды... Он жаловался на неудачно складывающуюся жизнь. Он был совершенно трезв. Потом в комнату пришли. Есенин... читал стихи... и опять — «Черного человека». Тихо не проходила, а как-то уныла, уныла, уныла до того, что уже трудно было ее выносить. Что-то невыразимо мрачное охватило душу, хотелось что-то немедленно сделать, но — что?»

Такая атмосфера, видимо, должна была как-то разрядиться. И она, к нашему горю, разрядилась...

Как сторонники новой версии, как всем почтенные, так и творчество Есенина, мне всей душой хотелось бы отвести от поэта недоброе слово «самоубийство». Но это возможно только в том случае, если обнаружится неопровержимые документальные доказательства уголовного преступления в гостинице «Англетер».

К сожалению, сегодня таких доказательств нет.

С. КОШЕЧКИН.

Член Есенинского комитета при Союзе писателей СССР.

Смерть Есенина: две версии



стами. Несколько суждений ученых опубликовано. Профессор Ф. Морохов («Труд», 30 апреля 1989 г.) полагает, что в документе содержится тенденциозные заключения, в том числе о происхождении атак на лбу. На основе данных акта Ф. Морохов делает вывод: Есенина сначала избили, потом удушили, «скорее всего подушкой».

Сотрудники бюро судебно-медицинской экспертизы из Ленинграда В. Андреева, В. Великова и другие оценку Ф. Мороховым данных акта называют «совершенно ошибочной». Спорит с утверждением профессора и врач — судмедэксперт А. Грабовский из Владивостока («Труд», 4 августа 1989 г.).

По мнению профессора В. Свядковского («Медицинская газета», 22 декабря 1989 г.), ряд предложенных Ф. Мороховым трактовок не выдерживает никакой критики с точки зрения судебной медицины. В. Свядковский заявляет, что для признания версии убийства «нет никаких медицинских научно обоснованных, взвешенных, четких аргументов».

Приверженцы новой версии высказывают сомнения в объективности заключения патологоанатома. «Создается впечатление», — пишет Э. Хлысталов, — что акт Гиляревский А. Г. был написан под чьим-то давлением, без тщательного осмотра тела и до вскрытия. На основе чего? На основе карандашной надписи о статье УК об отказе в возбуждении уголовного дела. «Но запись могла быть свободно сделана уже после представления акта органами дознания», — резонно замечает В. Свядковский.

Мне кажется, наиболее правильно анализирует документ, подписанный доктором Гиляревским, кандидат медицинских наук, судебно-медицинский эксперт А. Маслов («Брава», 1991, № 5). Обстоятельно рассмотрев акт А. Маслова, пришел к выводу, что смерть Есенина наступила от асфиксии, т. е. удушья при повешении.

Нельзя рассуждений о насильственной смерти поэта основывается на протоколах допросов управляющего гостиницы В. Назарова, а также поэта Вольфа Эрлика, журналиста Георгия Устинова и его жены Е. Устиновой — друзей Есенина. Здесь фигурируют и запертая изнутри дверь номера, и странное поведение управляющего гостиницы после вскрытия номера (он, не заходя в комнату, ушел), и «ножички» от бритвы, предположительно взятые накануне Эрликом, и многое другое. Привлекаются и воспоминания друзей поэта, в том числе и только что названных. Все детали освещаются так, будто они изначально свидетельствуют о нечестности причастных к событию людей. В ходу домыслы, предположения. Так, Э. Хлысталов пишет: «...протокол В. Эрлика, по моим предположениям, заполнил агент уголовного розыска Ф. Иванов». И дальше: «Если протокол допроса В. Эрлика заполнил Ф. Иванов, то он как опытный сотрудник не случайно выбрал для допроса именно Эрлика: слишком убедительно объяснял тот свои поступки». При такой методологии можно пытаться доказывать что угодно, но можно ли что-либо доказать?

Увлеченный разоблачением свидетелей и меценатов, И. Лысов не видит и не в чем не помнит издателей. В поисках некоей драматической поэмы «Страна негодиев» он, по его словам, пересмотрел все имеющиеся у него сборники Есенина и ни в одном «фоланте» этой поэмы не нашел. «Словно сговорившись», — сетует он, — трусливые издатели избегали включения «Страны негодиев» в есенинские книги. И только в читальном зале библиотеки имени В. И. Ленина, заказав четвертый том сочинений Есенина, он нашел эту вещь и переписал целиком.

Тут мы подошли к одному характерному моменту: многие из авторов публикации слабо знают биографию, творчество, библиографию поэта. Это все равно, что войти в бездонное озеро, не умея плавать. Оди из них — Александр Мелицкий так и пишет: «Не будучи специалистом по творчеству и биографии Есенина, я тем не менее беру на себя смелость изложить свою точку зрения...» Как это похоже на памятные записки: «Роман Пастернака я не читал, но все же отмечу...» Ясно, что из такого дилетантского подхода к сложным, требующим досконального знания вопросам ничего путного не получится. Скажем, какое может быть доверие читателя к утверждению Ивана Лысова, если он не знает, что строка о Бухарине и Троцком в «Руси бесприютной» принадлежала Есенину, а не приписана ему журналистом Л. Колодзин, автором одной статьи в «Черный человек» («Московская правда», 12 ноября 1988 г.). А ведь на этом незнании строится политическое обвинение «писателю и недобросовестному журналисту», «пыткому газетчику», «новоявленному троцкисту», «отравляющему» свои тридцать сребреников».

Лысову неведомо, что «Страна негодиев» помещена не только в одном есенинском томе, но во всех собраниях сочинений поэта (от шести до двухтомных) и многих антологиях. Так что эпиграф «Трусливым, которым он награждает издателей, совершенно неуместен». Евгений Черновитов считает, что единственный отдельный изданием «Песни о великом походе» в середине 20-х годов был выпуск этой поэмы в 1926 году тиражом в 50 экземпляров, а затем в 1927-м — 75 экземпляров. «Вот и думаю», — резюмирует Черновитов, — кому это нужно?

А ведь это было нужно студентам полиграфического института: это их учебно-практическая работа.

Не известен Черновитову и факт первого отдельного издания «Песни о великом походе» государственным издательством еще при жизни Есенина в 1925 г. (с иллюстрациями художника

рвачей кинулись искать счастья в литературе и искусстве. Не имея элементарного таланта, плохо владея русским языком, они свою творческую беспомощность оправдывали стремлением найти новую революционную форму изображения действительности. Но, помилуйте, при чем здесь рвачи и проходимцы? Маяковский, Есенин, Пастернак — искали новую революционную форму, о чем собственноручно писали в своих стихах и статьях. По Хлысталову получается, что и главная причина публичных скандалов Есенина — в протесте против имажинистских и иных теорий тех лет. Тут, пожалуй, остается только развести руками...

Весьма произвольно обращается Э. Хлысталов и с фрагментами из мемуаров, что ведет к искажению их смысла.

Рассказывается об атмосфере, сложившейся вокруг Есенина после скандала, разразившегося в поездке Баку — Москва 6 сентября 1925 года. Поэту предстояло съездить в Коммунар. С. А. Есенина превратился в кошмар. Он часто уезжал из Москвы, возвращаясь обратно. 16 сентября он зарекомендовал брак с С. Толстой... Оставим в стороне странное сочетание компания и брака с С. Толстой, прочитаем дальше:

«...Напиши обо мне некролог! — попросил Есенин своего приятеля поэта Ивана Грузинова.

— Зачем?

— Я скроюсь. Преданные люди купят гроб, устроят мне похороны... В газетах и журналах появятся статьи...»

Хлысталов на этом обрывает цитату из воспоминаний Грузинова и продолжает: «Чего только не придумывают знакомые и родственники поэта, чтобы отвлечь судейское заседание». Получается, и просьба Есенина о том, чтобы Грузинов написал о нем некролог, тоже связана с необходимостью отвлечь разбор дела, а то и уйти от судебного заседания.

Но вот что пишет Иван Грузинов: «1925 г., ноябрь. Есенин возбужден... Вскину правую руку, как деревенский оратор: — Напиши обо мне некролог.

— Некролог?

— Некролог. Я скроюсь. Преданные мне люди устроят мне похороны.

В газетах и журналах появятся статьи. Потом я вволю. Я скроюсь на неделю, на две, чтобы журналы успели напечатать обо мне статьи. А потом я вволю. Вскривается: — Посмотришь, как они напишут обо мне! Увиди, кто друг, кто враг! (Подчеркнуто мною. — С. К.).

Это же, как говорится, совсем другой колорит. Даже и намека нет на то, чтобы уйти от судебного заседания.

По Хлысталову, Лысову и другим сторонникам версии получается, что Есенин, уехав в Ленинград, скрылся от московской милиции. А до

За что же был убит Есенин?

По мнению авторов публикации, за антисоветизм. За персональное, как пишет Лысов, оскорбление «председателя Реввоенсовета республики» Льва Троцкого, за разоблачение его сионистских взглядов на Россию. Троцкий якобы не мог простить Есенину строк в «Стране негодиев», где упоминается подлинная фамилия комиссара чехистов — Лейбман, «в гротескном облике которого четко просматривается Лейба Бронштейн — Троцкий». И это предположение ничем не подтверждается.

Начать с того, что незаконченная «Страна негодиев» при жизни Есенина не была напечатана (за исключением монолога Рассветова). Лысов указывает, что «более чем смелые отрывки из «Страны негодиев» появлялись в списках, никаких списков не было. (Во всяком случае, ни из современников о них не вспоминает). А вот иные отзывы Есенина о Троцком были хорошо известны. Так, в «Руси бесприютной» (1924 г.) поэт писал о мальчишках, ночующих в котлах:

В них Пушкин, Лермонтов, Кольцов И наш Некрасов в них, В них даме Троцкий, Ленин и Бухарин. Не потому ль мой грустно Веет стих, Глядя на их Невымытые хари.

Известная фамилия упоминается и в «Песне о великом походе» (эти строфы по понятным причинам долгие годы из текста опущены). Лысов не замечает их, ибо они нарушают его схему, рождая сомнения в том, чтобы Троцкий мог быть «ярким гонителем» Есенина. Это сомнение увеличивается после ознакомления с письмом Троцкого «Памяти Есенина», опубликованным в «Правде» и «Известиях» 19 января 1926 года. «Мы потеряли Есенина — такого прекрасного поэта, такого свежего, такого настоящего... Этот прекрасный и неподдельный поэт по-своему отразил эпоху и обогатил ее песнями, по-новому сказавшим о любви, о сине неба, упавшем в реку, о месяце, который ягненок пасется в небесах, и о цветке непотворитом — о себе самом». И это пишет «яркий гонитель»?

«Читали Вы статью Троцкого о Есенине? — спрашивал Максим Горький критика Д. Лутохина (письмо от 17 февраля 1926 г.). — Самое лучшее, что написано о нем. Никто из товарищей его не сумел написать так хорошо. Горький знал Есенина, знал Троцкого, кое-что понимал в словесности и, надо полагать, здесь он не очень уж ошибался.

За Троцким числится немало политических грехов, и он ответствен за них перед историей. Но в случае с Есениным обвинять его в злонамеренных кознях против поэта вряд ли есть весомые основания.